

Глава 1

ПИСЬМО

Письмо пришло вскоре после того, как начались эти звуки. Они были связаны друг с другом, раздавались из одного источника.

— Прочти вслух, — попросила я, покачиваясь на стуле. — Я хочу знать, о чём там говорится.

Папа медленно прочёл письмо, скользя глазами по странице.

«Дорогой мистер Эрвуд!

Обращаюсь к вам с предложением о потенциальной работе.

В настоящий момент я занимаюсь поиском смотрителя для моего зверинца в Дайспер Холле.

Должна предупредить, что эта должность подходит не для всякого. Она требует умения, смелости и находчивости. В моей коллекции содержатся необычные существа, умные и очень опасные, если обращаться с ними недостаточно хорошо.

Смотритель должен постоянно жить в Дайспер Холле и отказаться от всех контактов за его пределами ради благополучия обитателей зверинца.

Я предлагаю щедрое вознаграждение за работу.

До встречи!

Леди Кавендиш, Дайспер Холл

Папа положил письмо на стол.

В доме повисла тишина.

— Щедрое вознаграждение, — пробормотал отец.

— Очень опасные, — шепнула мама.

— Необычные существа, — с придыханием произнесла я.

Эта мысль взволновала меня.

— А что за необычные существа, мам? — спросила я.

На местных фермах жили только коровы и овцы. И хотя они были по-своему замеча-

тельные, я понимала, что в письме написано о совершенно других созданиях.

Мама, нахмурившись, налила новую чашку чая.

— Они не приносят пользы, — сказала она. — Не такие, как корова, например. Корову ты кормишь — и она даёт молоко и мясо.

Молоко и мясо. Я терпеть не могла, когда родители говорили вот так о наших коровах. Для меня они значили гораздо больше. Они являлись частью семьи.

И мне во что бы то ни стало хотелось получить ответ на вопрос.

— А когда ты в последний раз видела тех необычных существ?

Мама подула на чай, чтобы остудить его.

— Я была ещё маленькой девочкой. Тогда Дайспер Холл с его зловещими башнями был открыт для всех. Там жили ужасающие твари. Но однажды произошёл несчастный случай — и ворота Дайспер Холла закрылись навсегда. И слава богу! — добавила мама, и на её лице мелькнуло затравленное выражение. — Но я знаю, что хозяйка снова завела странных существ... я просто поняла это. Когда мы впервые услышали те звуки, Арфан? Неделю назад или ещё раньше? Я подумала, что наступает конец света.

— Неделю назад, — буркнул папа и сунул письмо в конверт. — Коровы чуть не проломили ограду. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы они вырвались наружу.

— И я слышала звуки прошлой ночью, — встряла я. — Тогда как будто...

Но я даже не могла это описать, поэтому мне пришлось набрать побольше воздуха в лёгкие и зарычать, так что кот Крэббит ринулся как полоумный в открытую дверь кухни.

Мама страдальчески поморщилась.

— Кора, сейчас слишком рано для такого жуткого рёва.

Я быстренько захлопнула рот. Иногда слова не могут выразить то, что ты хочешь сказать, и нужно порычать.

— А я-то считал, она перестала держать опасных существ, — проворчал папа. — С этим надо что-то делать.

Родители обычно не любили говорить о Дайспер Холле. Они отмахивались от моих вопросов и уклончиво отвечали: «Это всё в прошлом, не стоит ворошить былые неприятности». Но особняк на вересковой пустоши всегда вызывал во мне жгучий интерес. Мрачный силуэт Дайспер Холла высился там, сколько я себя помнила. Я чувствовала его

присутствие каждый день, и чем старше становилась, тем сильнее он манил меня к себе.

И теперь письмо подтвердило, что загадочные существа вернулись.

А леди Кавендиш искала зрителя для зверинца.

— И как ты отреагируешь на предложение о работе, пап? — спросила я.

Отец решительно свернул конверт и поставил ещё тёплый чайник прямо на него.

— Не говори мне о должности зрителя никогда в жизни! У нас всего достаточно, ферма и скот дают столько, сколько нужно.

Белла. Тут я вспомнила о ней. Старая корова Белла повредила ногу и заразилась копытной гнилью, а прямо сейчас ей требовался особый уход. Это была самая пожилая корова на нашей ферме, я выросла вместе с ней. И я любила её всем сердцем.

Схватив тост, я выпрыгнула из-за стола.

— Пойду повидать Беллу, — заявила я родителям.

— Кора, подожди. Сядь, — возразила мама и хлопнула по стулу. — Нам необходимо поговорить о Белле. И важно, чтобы ты внимательно нас выслушала.

У меня замерло сердце, и закружилась голова. Я медленно опустилась на стул.

— Что случилось?

— Белла уже стара, и ей нездоровится. У нас мало еды для неё. Мы должны думать и об остальном стаде. И о нас.

Отец потянулся через стол, чтобы взять меня за руки, но я живо спрятала ладони под мышки.

— Мы не можем оставить её. Извини, Кора.

Это было как удар под дых. Мысли спутались в голове, а слова застряли в горле колючками чертополоха. Нет, не сейчас!

— Мне очень жаль, Кора. Мне и правда жаль, — мягко произнёс папа.

Я отпрянула от стола.

— Только не надо всё громить и крушить, Кора, — продолжила мама и прикрыла рукой облупленный чайник. — Ты знаешь, мы не можем себе позволить и дальше кормить Беллу. Еды и так еле хватает.

Она поплотнее закуталась в шаль, защищаясь от утреннего сквозняка, который сочился в кухню, несмотря на то, что мы с папой замазали все щели в осыпающихся стенах.

— Когда начнёшь заниматься фермерством, ты поймёшь.

Я вскочила и выбежала из дома, громко хлопнув дверью.

Туман на улице сглаживал очертания сарая, казалось, что он парит в воздухе. Оттуда доносилось мычание. Белла ждала меня.

Я открыла дверь сарая и замычала в ответ.

Стойла оказались пусты. Папа уже подоил их обитательниц и выпустил коров пастись на выгон: всех, кроме одной.

Я взяла чистую миску, налила в неё воды и добавила мыло. Затем распахнула калитку и вошла в стойло.

— Привет, Белла.

Старая корова повернула голову в мою сторону, но не встала.

Она была строптива и задириста. Белла враждебно вскидывала голову при встрече с незнакомцами и ревела на каждого, кто осмеливался встать у неё на пути. Она могла топнуть и на папу с мамой, и на Крэббита, если они не пропускали её, и требовала освободить дорогу. Но меня она никогда не прогоняла. Я всегда могла прийти и пообщаться с ней. Точнее, выговориться. С ней мне было легко. Когда я видела Беллу, сразу становилось спокойнее на душе.

И я не могла представить, как буду жить без Беллы.

— Это просто я, — успокоила я корову. — Тебе, должно быть, одиноко здесь.

Белла взглянула на меня карими глазами, как бы спрашивая: «Что ж ты так долго?» Меня встревожило, что она всё ещё лежит.

Очень осторожно я сняла бинты.

Папа думал, что коровы нужны для молока и мяса, а от большого животного нет никакого проку.

Но я хотела, чтобы он осознал: коровы тоже могут быть членами семьи.

Белла всё понимала. Она говорила со мной по-своему — и мне тут же становилось легче. Если меня игнорировали в школе, то я могла поболтать с ней дома. Она была как старшая сестра. Возможно, даже лучше. Она никогда не спорила и не таскала мои книги, как обычно делают сёстры. Я уверена, мне бы это не очень понравилось. Хотя делиться книжками с кем-то, наверное, приятно. Да и спорить, пожалуй, не всегда плохо.

Думаю, сёстры частенько бывают заодно и даже объединяются против мамы с папой.

Будь у меня сестра, она наверняка могла бы упросить родителей оставить Беллу, даже больную. Уж она-то сумела бы объяснить им всё спокойно и убедительно, когда я сама задыхалась от гнева.

— Постарайся поправиться, Белла, — сказала я, пытаясь унять дрожь в голосе. Мне не хотелось её пугать. — Разве тебе не надоело

лежать в загоне? Разве ты не хочешь пастись в поле вместе с остальными?

Белла сердито кашлянула. С трудом она попыталась подняться, но с тяжёлым вздохом опустилась на солому.

— Умничка! — подбодрила я корову. — Мы потом ещё разок попробуем, ладно? А пока отдыхай.

Копыто Беллы распухло и воспалилось. Я прижала к нему намыленную тряпку.

— Может немножко пощипать, — добавила я. — Но тебе это полезно.

Белла вздрогнула, когда вода просочилась в рану. Однако корова доверчиво смотрела, как я мыла ей ногу и обёртывала чистыми бинтами.

— Я позабочусь о тебе, — пообещала я.

Потом я свернулась на соломе возле Беллы и прижалась лицом к её тёплой шее. Корова с тяжёлым вздохом положила голову мне на колени.

Рядом с Беллой мои мысли приходили в порядок, а с людьми так не получалось. С ними мысли ещё больше запутывались: они тянулись, дёргались и застревали, пока наконец не закупоривались совсем, и тогда я вообще ничего не понимала. Как сегодня, когда я была на кухне с мамой и папой. И слова тоже слипались в беспорядочный